

На правах рукописи

Детинко Юлия Ивановна

**ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧУЖЕРОДНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2013

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Сибирский федеральный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Куликова Людмила Викторовна

Официальные оппоненты: *Леонтович Ольга Аркадьевна*,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»,
заведующий кафедрой межкультурной
коммуникации и перевода

Кочетова Лариса Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный
университет», заведующий кафедрой
английской филологии

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Национальный
исследовательский университет “Высшая
школа экономики”»

Защита диссертации состоится 28 ноября в 12.30 на заседании диссертационного совета Д 212.029.05, созданного на базе ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», по адресу: 400062, г. Волгоград, проспект Университетский, 100, ауд. 4-01А.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного университета.

Автореферат разослан «   » октября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Косова Марина Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферлируемая работа выполнена в русле коммуникативно-прагматического подхода к изучению англоязычного политического дискурса с привлечением методики критического дискурс-анализа. Диссертация посвящена изучению лингвосомиотических и лингвопрагматических средств дискурсивного конструирования чужеродности в современной британской политической коммуникации с учетом двух перспектив взаимодействия с «чужим»: монокультурной («чужой» находится в той же лингвокультуре, что и отправитель дискурса) и межкультурной («чужой» является представителем иной лингвокультуры).

Актуальность исследования определяется интересом современной лингвистики к изучению особенностей дискурсивного конструирования реальности и описанию модели конструирования чужеродности в политическом дискурсе на материале британо-английского языка, что ранее не предпринималось в языковедческих дисциплинах.

Объектом анализа в работе является манифестация чужеродности в дискурсивном пространстве политической коммуникации английской языковой культуры; **предметом** – языковые и внеязыковые средства конструирования чужеродности в монокультурной и межкультурной перспективах современного политического дискурса Великобритании.

Гипотеза, выдвигаемая в исследовании, состоит в том, что дискурсивные средства конструирования чужеродности в британской политической коммуникации дифференцируются в отношении политических оппонентов в монокультурной и межкультурной перспективах.

Цель работы заключается в выявлении, описании и анализе основных средств дискурсивного конструирования чужеродности в современном британском политическом дискурсе с учетом монокультурной и межкультурной перспектив.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) выявить подходы к изучению феномена чужеродности в контексте гуманитарного знания;
- 2) систематизировать современные представления о политической коммуникации в рамках работ по дискурсивной тематике отечественных и зарубежных авторов;
- 3) применить методику критического дискурс-анализа к изучению репрезентации чужеродности в политической коммуникации Великобритании;
- 4) обосновать целесообразность исследования монокультурной и межкультурной перспектив как форм проявления чужеродности в британо-английском политическом дискурсе;
- 5) выявить и описать механизм дискурсивного конструирования чужеродности в британской политической коммуникации;

б) разработать лингвокоммуникативную модель конструирования чужеродности в монокультурной и межкультурной перспективах современного политического дискурса Великобритании.

Материалом для исследования послужили речи британских политиков; статьи в ведущих политических и социально-экономических газетах Великобритании (*New Statesman, The Guardian, The Independent*), представленные в печатном виде, а также взятые с интернет-сайтов; телевизионные и радиовыступления политических деятелей, видеозаписи и стенограммы предвыборных теледебатов, интервью с политиками; стенограммы заседаний Парламента Великобритании и официальные отчеты о заседаниях (*Hansard*). Временные рамки собранного и проанализированного эмпирического корпуса ограничены 2007 – 2013 годами.

В качестве **единицы исследования** выступает дискурсивный/текстовый фрагмент (изображение) полемического характера, в котором эксплицитно или имплицитно актуализированы лингвистические, коммуникативно-прагматические или визуальные проявления чужеродности. Всего проанализировано более 2000 текстовых фрагментов и около 200 изображений, реализующих около 5000 случаев выражения чужеродности в политическом дискурсе английской лингвокультуры.

Общетеоретическую и методологическую базу диссертации составили труды отечественных и зарубежных ученых в области лингвистики текста и теории дискурса (Т.Н. Астафурова, М.Б. Бергельсон, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, М.Л. Макаров, Г.Н. Манаенко, М.Ю. Олешков, А.В. Олянич, С.Н. Плотникова, Т.А. van Dijk, N. Fairclough, M.A.K. Halliday, G. Kress, T. van Leeuwen); политической коммуникации (Э.В. Будаев, Л.В. Куликова, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, Т.В. Юдина, P. Chilton, M. Reisigl, C. Schäffner, R. Wodak); работы по критическому дискурс-анализу (В.И. Карасик, М.В. Йоргенсен, М.Л. Макаров, Г.Г. Почепцов, А.А. Филинский, Л.Дж. Филлипс, J. Blommaert, T.A. van Dijk, N. Fairclough, G. Weiss), мультимодальному анализу и исследованию визуальных образов (Е.Е. Анисимова, М.Б. Ворошилова, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, R. Hodge, G. Kress, T. van Leeuwen, D. Machin, K.L. O'Halloran), междисциплинарному изучению чужеродности и оппозиции «свой-чужой» (А.К. Байбурин, Э. Бенвенист, Х. Вайнрих, Б. Вальденфельс, Л.И. Гришаева, П.Н. Донец, В.И. Жельвис, В.И. Карасик, В.В. Красных, Л.В. Куликова, О.А. Леонтович, Ю.М. Лотман, А.В. Олянич, Ю.С. Степанов, Н.В. Уфимцева, Е.И. Шейгал, А.В. Шипилов, А. Шюц, А.К. Якимович, T.A. van Dijk, W.B. Gudykunst, M. Krzyzanowski, S.H. Riggins, L.P. Sego, R. Wodak).

В работе нашли применение следующие общенаучные и лингвистические **методы исследования**: *гипотетико-дедуктивный* при сборе и обобщении фактического материала; *описательный*; *критического дискурс-анализа* и *контекстуального анализа* для объяснения эксплицитного и имплицитного

проявления чужеродности; *мультимодального анализа* для интерпретации визуальных образов, а также *сопоставительного анализа* при сравнении средств репрезентации чужеродности в монокультурной и межкультурной перспективах британской политической коммуникации.

Научная **новизна** исследования заключается в том, что в нем впервые на материале английского языка осуществлен комплексный лингвосемиотический и лингвопрагматический анализ средств, манифестирующих отношения чужеродности в дискурсивном взаимодействии политиков Великобритании; разработана лингвокоммуникативная модель дискурсивного конструирования чужеродности в монокультурной и межкультурной перспективах современной политической коммуникации британо-английской лингвокультуры.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно дополняет положения общей теории языка, дискурсивной лингвистики, политической лингвистики описанием вербальных и невербальных средств дискурсивного конструирования чужеродности на материале английского языка; демонстрирует применение методов критического дискурс-анализа и мультимодального анализа к изучению феномена чужеродности в британской политической коммуникации; выявляет механизм и предлагает лингвокоммуникативную модель дискурсивного конструирования чужеродности в современном политическом взаимодействии Великобритании.

Практическая ценность работы определяется возможностью применения ее результатов в вузовских курсах общего языкознания, лексикологии английского языка, прагмалингвистики, социолингвистики, а также в спецкурсах по коммуникативной, политической лингвистике, на практических занятиях по анализу и интерпретации текста, по английскому языку как иностранному.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Чужеродность в британской политической коммуникации конструируется в дискурсе как форме социолингвистической реальности и характеризуется коннотативной неоднозначностью (от негативной до нейтральной или позитивной идентификации).

2. В пространстве современной британской политической коммуникации дифференцируются монокультурная и межкультурная перспективы проявления чужеродности, обусловленные направленностью дискурса на адресата внутри английской лингвокультуры или за ее пределами.

3. Дискурсивное маркирование чужеродности в политическом взаимодействии реализуется посредством следующих базисных стратегий:

- стратегии идентификации чужеродности;
- стратегии обоснования и удержания статуса «чужого»;
- стратегии трансформации;
- деструктивной стратегии.

Выделенные стратегии конституируются дискурсивно-семиотическими техниками, эксплицируемыми разноуровневыми средствами английского языка и дискурса.

4. Актуализаторами дискурсивно-семиотических техник являются вербальные и невербальные средства современного английского языка и дискурса:

– на лексическом уровне используются номинации и атрибуции с семантикой, соответствующей прагматике дискурсивно-семиотических техник, дейктические единицы, метафора, метонимия, гипербола, литота, эпитет, ярлык;

– на морфологическом и синтаксическом уровнях преобладают сравнительные обороты, пассивные структуры, модальные глаголы, синтаксический параллелизм, однородные члены предложения и негативные конструкции;

– на дискурсивном уровне средства реализации чужеродности в основном представлены рефреймингом содержания, риторическими вопросами, фиктивными сценариями и прямыми обращениями, ссылками, намеками, обоснованными аргументами, конструкцией «yes, but», детализацией, упрощением и конкретизацией;

– на уровне мультимодальности средствами репрезентации чужеродности являются визуализированные метафорические образы с экспликацией или импликацией чужеродности, детерминированные интенциональной направленностью дискурсивно-семиотических техник.

Апробация результатов исследования проводилась в форме отчетных выступлений на межвузовских аспирантских семинарах, заседаниях кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Сибирского федерального университета [2009 – 2013], научной конференции студентов, аспирантов и преподавателей «Диалог культур в аспекте языка и текста» [Красноярск, 2009], всероссийской научной конференции с международным участием «Современные проблемы развития науки, техники и образования» [Красноярск, 2009], IX Ежегодной международной конференции «Языки в современном мире» [Томск, 2010], Международном молодежном научном форуме «ЛОМОНОСОВ-2011» [Москва, 2011], заседаниях исследовательской группы «Language, Ideology and Power» в университете Ланкастера в рамках научной стажировки [Великобритания, 2011], VI Международной конференции РКА «Коммуникация в изменяющемся мире» [Красноярск, 2012]. По теме диссертации опубликовано десять работ общим объемом 3,3 п.л., в том числе три статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и источников примеров.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, указываются объект, предмет, цель и задачи, выдвигается гипотеза, характеризуются материал и методологические основы, формулируются научная новизна,

теоретическая и практическая значимость работы, положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Понятие чужеродности в общественно-политических и языковедческих науках»** рассматривается проблема чужеродности как объекта гуманитарного знания, систематизируются современные подходы к анализу политического дискурса с проекцией на экспликацию в нем чужеродности, обосновывается исследование монокультурной и межкультурной перспектив отношения к «чужим» и предлагается способ изучения репрезентации чужеродности через мультимодальные средства.

Чужеродность является компонентом базовой социокультурной оппозиции «свой-чужой», которая затрагивает практически все сферы жизни человека, включая политическую коммуникацию. Дискурсивное конструирование образа «чужого» связано с процессами идентификации «себя» и «чужих» и характеризуется следующими принципами:

- один субъект идентифицирует другого как «чужого» одновременно с самоидентификацией;
- один субъект определяет другого как «чужого» посредством репрезентации в дискурсе;
- образ «чужого» конструируется дискурсивно через сравнение себя с другими и всегда зависит от позиции говорящего/пишущего.

Дискурсивная маркированность «чужих» в политическом пространстве неоднозначна и в значительной степени детерминирована социальными, культурными, языковыми, когнитивными факторами, а также политическими и идеологическими установками адресанта (Е.А. Баженова, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, Л.В. Куликова, С.А. Лапчева, А.В. Олянич, М.Х. Рахимбергенова). В связи с этим отношение к «чужим» в политическом дискурсе характеризуется коннотативной неоднозначностью, выражающей негативную, нейтральную или позитивную идентификацию.

Отношения чужеродности актуализируются в дискурсе как форме социолингвистической реальности, предполагающей интенциональное использование языка и других семиотических модальностей, например, рисунков, фотографий, картин и т.п. (Т.А. ван Дейк, N. Fairclough, J.L. Lemke) в рамках определенной сферы общественной жизни.

В настоящей работе в качестве социальной сферы экспликации отношений чужеродности рассматривается англоязычный политический дискурс, под которым мы понимаем структурированную совокупность вербальных и невербальных знаков, актуализирующихся в институциональной сфере, ориентированных на полемический характер общения и реализующихся в тесной взаимосвязи с национально-культурным и социально-политическим контекстом. Мы также используем термин «национально-лингво-когнитивное сообщество», определяя его как социально-экономическую, культурно-политическую и духовную общность людей, владеющих одним языком и обладающих единой когнитивной базой. Выбор данной номинации опосредован важностью национального, языкового и когнитивного аспектов

при разграничении культурных перспектив репрезентации чужеродности.

Пространство политической коммуникации Великобритании анализируется нами с точки зрения двух перспектив реализации чужеродности: монокультурной, когда изучается дискурсивное взаимодействие представителей политических партий и политических агентов, принадлежащих одному национально-лингво-когнитивному сообществу; и межкультурной, когда рассматривается отношение к политическим агентам – представителям других (по отношению к автору дискурса) национально-лингво-когнитивных сообществ.

Основанием для выделения монокультурной и межкультурной перспектив манифестации чужеродности послужили результаты проведенного исследования, а также обзор соответствующей научной литературы, подтвердившие, что в рамках одной лингвокультуры возможны отношения чужеродности, поскольку «своя» культура не является гомогенной средой и в ней присутствует компонент «чужого» (Б. Вальденфельс, Л.В. Куликова, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, А. Шюц, М. Edelman). Было установлено, что факт принадлежности участников политической коммуникации одной или разным лингвокультурам детерминирует вид отношений чужеродности.

Коммуникативно-прагматический подход к изучению языка и текста предполагает осмысление реальности посредством комбинации вербальных и невербальных средств. В российской научной традиции явление текстовой гетерогенности на уровне формы, достигаемое через соединение различных семиотических систем, например языковой и визуальной, известно как «поликодовый текст» [Чернявская, 2009: 97], или «креолизованный текст» (Е.Е. Анисимова, А.А. Бернацкая, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов). В зарубежных исследованиях для обозначения текстов, которые содержат взаимодействие и внедрение двух или более семиотических ресурсов (или модусов коммуникации), необходимых для того, чтобы реализовать коммуникативные функции текста, используется термин «мультимодальный текст», а анализ подобных текстов известен как мультимодальный анализ (K.L. O'Halloran, V.A. Smith). Под модусом понимается социально сформированный и культурно обусловленный ресурс для создания смыслов [Kress, 2009: 54].

В научной литературе при рассмотрении репрезентации отношения к «чужим» мультимодальными средствами, а именно визуальными образами, отмечается, что изображения часто носят разъясняющий характер, представляют идеологически окрашенные ракурсы, актуализируются имплицитно, основаны на намеке, коннотации. Визуально чужеродность конструируется посредством «взаимоотношений» наблюдателя и изображения и реализуется в трех измерениях: дистанции, положении и взгляде. Отношения чужеродности актуализируются за счет намеренного исключения людей из ситуаций, предполагающих в реальности их присутствие; изображения личностей как действующих лиц в событиях, рассматриваемых с позиции понижения самооценки, подчинения, отклонения от нормы, криминала, порочности; визуализации людей в виде гомогенных групп, тем самым отрицая

их индивидуальные характеристики и различия; негативных культурных коннотаций, связанных с образом человека (прическа, одежда и т.п.); негативных расовых стереотипов, ассоциируемых с визуализированным объектом (T. van Leeuwen).

Во второй главе «**Дискурсивное конструирование чужеродности в британской политической коммуникации**» дается определение дискурсивного конструирования, обосновывается целесообразность и продуктивность используемого в лингвистической литературе метода критического дискурс-анализа для целей нашего исследования, разрабатывается лингвокоммуникативная модель дискурсивного конструирования чужеродности в монокультурной и межкультурной перспективах британской политической коммуникации.

В реферируемой работе под дискурсивным конструированием понимается инструментально-аналитический метод, позволяющий категоризовать фрагмент реальности в дискурсивных терминах.

Дискурсивное конструирование чужеродности осуществляется в соответствии со многими факторами, относящимися к контексту и содержанию коммуникации. Для решения задач данного исследования мы использовали парадигму критического дискурс-анализа как метода, который основывается на аутентичной повседневной коммуникации в институциональной, медийной, политической и других сферах и фокусирует свое внимание на пересечении языка, дискурса, речи, социальной структуры [Леонтович, 2009: 51]. При этом дискурсу приписывается активная роль в конструировании социальной действительности. С помощью языка мы создаем репрезентации реальности, которые не просто отражают то, что в ней есть, но и конструируют ее [Йоргенсен, Филлипс, 2008: 29].

В диссертации метод критического дискурс-анализа представлен в рамках дискурсивно-исторического подхода, активно развиваемого в трудах европейских ученых (R. de Cillia, M. Krzyzanowski, K. Liebhart, M. Reisigl, R. Wodak).

Дискурсивно-исторический подход отличается особым вниманием к лингвистической составляющей дискурса и привлечением разнообразных эмпирических данных и всей контекстуальной информации по истории вопроса, что обеспечивается благодаря принципу триангуляции, который предполагает исследование дискурсивного феномена с точки зрения различных методологических и теоретических традиций [Wodak et al., 2009: 9].

Принцип триангуляции основан на детальном представлении контекста, который включает несколько уровней:

- 1) непосредственный языковой и внутритекстовый ко-текст;
- 2) интертекстовые и интердискурсивные отношения между высказываниями, жанрами и дискурсами;
- 3) экстралингвистические социальные/социологические переменные и институциональные фреймы специфического «контекста ситуации»

(то есть место, время, событие, роли участников и т.п.);

- 4) более широкий социально-политический и исторический контексты, которые включают дискурсивные практики (области действия и историю дискурсивного события).

Таким образом, исследование дискурсивного конструирования чужеродности в политической коммуникации сводится к следующему:

- 1) анализ содержания, то есть интерпретация взаимосвязи между текстом и ситуацией, в которой этот текст был создан;
- 2) выявление стратегий и дискурсивно-семиотических техник реализации чужеродности;
- 3) описание свойств текста, реализованных лингвистическими или иными семиотическими средствами.

Содержание британской политической коммуникации опосредовано монокультурной или межкультурной перспективами репрезентации чужеродности. Проведенный анализ показал, что дискурсивное взаимодействие членов политических партий и политических агентов, принадлежащих британскому национально-лингво-когнитивному сообществу (консервативная, лейбористская и либерал-демократическая партии), характеризуется высокой степенью полемичности и эмоционализации за счет негативно коннотированной и стилистически сниженной лексики; делается акцент на сравнительных конструкциях; актуализируется стремление к дискредитации оппонента. При манифестации чужеродности в отношении политических агентов – представителей небританских национально-лингво-когнитивных сообществ (Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Франции, Германии, Китая, Ирана, Ирака, Афганистана, Сирии и др.) обнаруживается тенденция к большей обобщенности, официальности; стремление к четкому определению границ «своего» и «чужого», кооперативности и критике; воздействующий эффект достигается выбором более формальных лексических единиц с негативной, нейтральной или положительной коннотацией.

В лингвокоммуникативном пространстве британского политического дискурса мы выделили четыре базисные стратегии дискурсивного конструирования чужеродности. Под стратегией в работе понимается набор процессов, действующих (сознательно или незнательно) на разных уровнях коммуникации и являющихся посредниками между целями различных партнеров по коммуникации и реализацией этих целей [Тичер и др., 2009: 218]:

- стратегия идентификации чужеродности, направленная на дискурсивное определение сфер «свое» и «чужое»;
- стратегия обоснования и удержания статуса «чужого», ориентированная на дискурсивное утверждение отнесенности к «чужим» и сохранение этого статуса;
- стратегия трансформации, нацеленная на дискурсивную экспликацию изменения сложившегося образа «чужого»;
- деструктивная стратегия, имеющая целью дискурсивную интенсификацию чужеродности.

На основании анализа эмпирического материала было установлено, что каждая из представленных стратегий имеет свой набор процессов реализации, направленный на осуществление поставленной автором дискурса цели. Терминологически эти процессы обозначаются нами как дискурсивно-семиотические техники, которые в исследовании понимаются как комплекс интенционально мотивированных вербальных и невербальных средств, характеризующихся мультимодальностью репрезентации, обусловленных национально-лингво-когнитивными особенностями участников коммуникации и ориентированных на выстраивание образа «чужого» в рамках определенной стратегии и культурной перспективы.

Средства манифестации дискурсивно-семиотических техник эксплицируют разные уровни языка и дискурса, а также визуальные образы.

Взаимоотношения «свой-чужой» в британской политической коммуникации отражает разработанная в исследовании лингвокоммуникативная модель конструирования чужеродности, включающая монокультурную и межкультурную перспективы репрезентации «чужих».

В третьей главе **«Дискурсивно-семиотические техники конструирования чужеродности в монокультурной и межкультурной перспективах британской политической коммуникации»** описывается лингвокоммуникативная модель репрезентации чужеродности в двух перспективах политической коммуникации английской лингвокультуры; выделяются и анализируются языковые, дискурсивные и визуальные средства конструирования чужеродности.

Рассмотрим лексические, морфологические, синтаксические, дискурсивные и визуальные средства выражения чужеродности, актуализирующие выявленные дискурсивно-семиотические техники конструирования чужеродности в монокультурной перспективе британской политической коммуникации.

Анализ фактического материала показал, что основными средствами реализации дискурсивно-семиотической техники негативного позиционирования оппонентов в монокультурной перспективе британской политической коммуникации являются личные и притяжательные местоимения (*they, them, those, their*), негативно коннотированные лексические единицы, метафоры (представленные также через визуальные образы). Часто эти средства сосуществуют в одном негативном контексте, например: *They've deliberately held their cards close to their chest. They've done their best to conceal their policies and their instincts. But the financial crisis forced them to show their hand and they showed they had no hearts* [Gordon Brown, 29.09.09]. В данном примере премьер-министр Великобритании (в 2009 г.) лейборист Гордон Браун высказывается в адрес консервативной партии, позиционируя ее членов как скрытных и прагматичных политиков, обманывающих народ. Изобилие местоимений 3-его лица множественного числа дистанцирует Г. Брауна и тех, кто его поддерживает, от консерваторов. Для усиления воздействия используются негативно коннотированные лексемы *conceal, deliberately*;

метафора с семантикой безразличия *they showed they had no hearts*, а также метафоры с семантикой скрытности, обмана: *held their cards close to their chest* и *to show their hand*.

С позиции визуализации метафорические образы ориентированы на эксплицитную или имплицитную репрезентацию негативных профессиональных качеств оппонентов. Например, изображение премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона в виде кричащей чайки имеет целью его негативное позиционирование.

Отрицательный образ чайки основан на метафоре *seagull manager*, характеризующей «начальника, который влетает в офис, делает много шума, резко критикует всех, затем убегает, оставляя других разбираться с последствиями» [Alex Andreou, *New Statesman*, 25.07.12]. То есть Д. Кэмерон, как руководитель правительства, предстает в качестве «начальника-чайки» – несостоятельного лидера, который много говорит или даже кричит, но безрезультатно.

К языковым средствам реализации пресуппозиции негативных последствий мы отнесли лексические единицы с семантикой неизбежности, безошибочности (*inevitably, make no mistake*), лексические единицы с семантикой «возможного» будущего (*imagine*), часто в негативном контексте; метафоры со значением «расплаты» (*a high price*); грамматические временные конструкции для обозначения ситуаций, которые должны случиться в ближайшем будущем (*Present Continuous Tense*): *Cuts that are coming: make no mistake – they are Gordon Brown's cuts* [David Cameron, 12.02.10]. Существительное *cuts* имеет негативные коннотации, связанные с ограничениями и сокращениями, которые ассоциируются с именем Гордона Брауна (*they are Gordon Brown's cuts*). При этом Дэвид Кэмерон делает акцент на том, что подобные меры являются последствиями политики действующего правительства – *make no mistake*. Неизбежность мер реализуется за счет использования глагола *come* в настоящем продолженном времени (*Present Continuous Tense*) – *are coming*.

Как показал анализ визуальных текстов, пресуппозиция негативных последствий манифестируется изображениями, демонстрирующими состояние «сейчас» и состояние в будущем, имеющее негативные импликации.

Характерная для монокультурной перспективы британской политической коммуникации дискурсивно-семиотическая техника выражения недоверия реализуется, по результатам исследования, лексическими единицами с

семантикой недоверия и подозрительности (*doubt, suspicious, risk*), аргументированными утверждениями, акцентом на неоднозначности и двулкости действий оппонентов: *The speed of formation of the Cameron-Clegg coalition is suspicious. Within five days of the election a detailed agreement was hammered out and 11 days later 2,000 Lib Dem delegates met in Birmingham to rubber-stamp it. These arrangements appear to suggest the two leaders were far closer together than anyone thought* [The Guardian, 19.05.10]. Автор выстраивает аргументацию по принципу конкретизации: лексема *suspicious* является частью обобщающего аргумента, задавая общий тон недоверия к процессу формирования коалиции партий консерваторов и либерал-демократов (*the speed of formation of the Cameron-Clegg coalition is suspicious*). Далее следует детализация причин подозрительности: недолгое время подготовки противопоставляется тщательности разработанного соглашения (*within five days of the election a detailed agreement was hammered out*), акцентируется то, как быстро партия либерал-демократов приняла коалиционное соглашение (*and 11 days later 2,000 Lib Dem delegates met in Birmingham to rubber-stamp it*). Последнее предложение в примере представляет собой утверждение, основанное на изложенных фактах.

Изучение эмпирических данных позволило установить, что реализация дискурсивно-семиотической техники выражения недоверия характеризуется высокой степенью эмоциональности, манифестируемой риторическими вопросами, часто с модальными глаголами *should, shouldn't, can, can't* в сочетаниях *How can they...? Why should we...?*; параллельными синтаксическими конструкциями, метафорами, разговорными фразами: *How come the Lib Dems had a conversion to the centre-right so quickly? And if this is about a new politics, how come so much was stitched up behind closed doors?* [The Guardian, 19.05.10]. Автор использует два риторических вопроса, включающих анафорические параллельные синтаксические конструкции. Анафора придает риторическим вопросам остроту и подчеркивает недоверие автора к сложившейся ситуации. Выражение *how come* относится к разговорной речи и звучит несколько иронично: *Каким же это образом? Это почему же?* Метафоры *stitched up, behind closed doors* усиливают негативный воздействующий эффект на реципиента.

В результате анализа выявлено, что актуализация пресуппозиции грядущих перемен осуществляется в основном лексическими средствами с семантикой изменений (*change, make a difference, different*), лексико-грамматическими единицами со значением необходимости перемен (*we need change, can't go on like this*), грамматическими конструкциями с интенцией будущего (*to be about, to be ready*): *Mr Speaker, after 13 years of Labour, Britain is ready for something different. As we stand on the brink of an election campaign where everything is to play for* [Nick Clegg, 24.03.10]. Либерал-демократ Ник Клегг употребляет лексико-грамматические конструкции *is ready for something different* и *on the brink of an election campaign*, которые эксплицируют грядущие перемены.

Исследование показало активное использование метафоры: *Over the next 18 months, Labour need to feel our breath on their necks. To know that the wind of change is coming. It may start as a gentle breeze. But by the time Mr Brown has the courage to face the nation, it will have the force of a hurricane* [Eric Pickles, 29.02.08]. Идея перемен представлена метафорой с лексемой *wind*, при помощи которой автор демонстрирует разную степень интенсивности – от нейтральной до ярко выраженной: *the wind of change*, затем *a gentle breeze* и, наконец, *a hurricane*.

В ходе изучения эмпирического материала обнаружено, что дискурсивно-семиотическая техника умаления авторитета актуализируется преимущественно за счет детального описания действий оппонентов в негативном контексте, посредством отрицательно коннотированных прилагательных и глаголов (*fail, unable*); экзemplификации негативных характеристик, маркированных лексическими единицами *illustrate, show, describe, demonstrate*; фиктивных сценариев. Например: *Nothing has better illustrated Cameron's inexperience and lack of judgement than his intervention in the South Ossetia conflict in 2008, when he rushed to Tbilisi to declare his support for embattled Georgia, which, he wrongly claimed, had been «illegally invaded» by Russia* [Mehdi Hasan, New Statesman, 16.04.10]. Журналист использует негативно коннотированные лексические единицы *inexperience, lack of judgement* в адрес Дэвида Кэмерона как иллюстрацию его «неверной», по мнению автора статьи, позиции.

Дискурсивным средством реализации техники умаления авторитета является рефрейминг содержания, основанный на переоценивании и наполнении новым содержанием высказываний оппонентов. Чаще всего «новая» интерпретация позиционирует оппонента в невыгодном для него свете. Приведем пример из речи консерватора Эрика Пиклза, который предлагает субъективный анализ слов, фиктивно представленный с позиции лейбористской партии: *Now let's try a phrase «freedom to local Councils». In New Labour speak this does not mean «here are our proposals what do you think?» No it really means «this is what we are going to do and anyone who disagrees is a scaremonger»* [Eric Pickles, 30.09.07]. Демократичная по своей семантической природе фраза *freedom to local Councils* должна была бы, по мнению консерватора Э. Пиклза, трактоваться как *Here are our proposals. What do you think?* – «Вот наши предложения. Что вы об этом думаете?». Однако, с позиции лейбористов (какой ее видит Э. Пиклз) она означает *this is what we are going to do and anyone who disagrees is a scaremonger* – «Это то, что мы собираемся делать, и тот, кто не согласен, – паникер». Налицо негативное толкование той же самой фразы.

Анализ визуального материала подтвердил, что техника умаления авторитета актуализируется также через изображения. Субъекты («чужие») показаны в сложной, явно запутанной ситуации и не знают, как из нее выйти, что имплицитно подразумевает некомпетентность, отсутствие четкой позиции.

Рассмотрим лексические, морфологические, синтаксические, дискурсивные и визуальные средства выражения отношения к «чужим»,

эксплицирующие выявленные дискурсивно-семиотические техники конструирования чужеродности в межкультурной перспективе британской политической коммуникации.

Дискурсивно-семиотическая техника оценочного позиционирования других государств реализует нейтральную, положительную и отрицательную идентификацию «чужих». Нейтральная идентификация актуализируется посредством личных и пространственных номинаций (*Russia, Russians, China, the US, Obama*), дейктических средств (*there, in Beijing, in Ukraine, they, them, their*): *both Russia and China have adopted a tougher stance on the issue of new sanctions against Iran* [Liam Fox, 15.10.09]. В данном случае номинации не несут явной оценочной коннотации, а используются для нейтрального маркирования «чужих». Для экспликации определенной позиции, выражающей отношение к «нам», употребляются лексические единицы *rival, opponent, ally, friend*: *Today China is a rival, rather than an opponent, and there is of course a danger that any prophesy becomes self-fulfilling* [Timothy Kirkhope, 17.02.10]. Тимоти Керкхоуп тщательно выбирает номинацию, называя Китай не соперником (*opponent*), а конкурентом (*rival*), то есть тем, с кем нужно не бороться, а кого нужно брать в расчет, чьи интересы нужно принимать во внимание. Приведем еще один пример положительной идентификации: *Without doubt the US is the most important ally of the UK* [William Hague, 14.05.10]. Уильям Хаг использует положительно коннотированную лексему *ally* в адрес Соединенных Штатов Америки, при этом воздействующий эффект усиливается за счет превосходной степени прилагательного *important*.

Установлено, что позиционирование «чужих» в межкультурной перспективе британского политического дискурса в основном реализует негативную идентификацию и осуществляется с помощью оценочных эпитетов: *the impoverished central Asian country* [Simon Tisdall, The Guardian, 21.04.10]. Номинация в адрес Киргизии (*central Asian country*) представлена оценочным эпитетом *impoverished* (обедневший). Кроме того, активно используются метафоры с семантикой неодобрения: *a clever-boots Kremlin has bitten off more than it can chew* [Simon Tisdall, The Guardian, 21.04.10]. Автор употребляет метафорическую конструкцию *has bitten off more than it can chew*, которая в сочетании с эпитетом *clever-boots* (умники) и метонимической номинацией *Kremlin* выражает неодобрение позиции России.

В качестве эмоционально окрашенной негативно коннотированной номинации выступает ярлык: *But the improved climate in the relationship between Washington and Moscow that New Start puts on display is important because it decreases the chances that Russia will act as a «spoiler» just to thwart the US goal* [Max Bergmann, Samuel Charap and Peter Juul, The Guardian, 09.04.10]. Номинация *spoiler* (третий кандидат на выборах, портящий шансы наиболее вероятного победителя) в адрес России является примером ярлыка, актуализирующего интенцию недоверия, которая усиливается в сочетании с дальнейшей фразой *just to thwart the US goals*.

Визуализация оценочного позиционирования других государств

представлена либо через образы ключевых политических фигур, либо изображением группы людей, однозначно идентифицирующихся с определенным народом. Наблюдения показали, что в иллюстрации реализуется интерпретация политической линии «чужих», а не конкретных высказываний или действий. Образы более обобщенные, метафоры общеизвестные, присутствует элемент стереотипизации.

Выявленная в ходе исследования дискурсивно-семиотическая техника патерналистского отношения актуализирует отношения «чужого» и более влиятельного «господина», который считает своим долгом дискурсивно демонстрировать заступничество и заботу о «чужаке» (Белецкий, 2010). Отметим, что идея патерналистского отношения не всегда имеет положительные коннотации, поскольку при анализе контекста становится очевидно, что патерналистские отношения предполагают некоторую зависимость или подчинение того, кому оказывается помощь. Техника характерна только для межкультурной перспективы британской политической коммуникации и манифестируется посредством лексических единиц с семантикой заботы, попечительства, помощи, обеспечения безопасности, мира, стабильности (*support, help, safety, train, partner, contact*): *Our strategy in Afghanistan depends on contact with the local people, persuading them they are safe with us* [Gordon Brown, 23.04.10]. Намерение позаботиться выражается в конструкции *they are safe with us*; лексема *contact* также имеет положительные коннотации и предполагает диалог, сотрудничество. Однако причастие *persuading* со значением «уговаривая, убеждая» несет, на наш взгляд, интенцию вмешательства.

В процессе анализа были зафиксированы примеры, демонстрирующие контраст между сложившейся негативной ситуацией и ролью Великобритании в качестве путевода, убежища или миротворца: *This time round, all the indicators on the state of the relationship are negative. British companies have been shouldered out of joint ventures in Russia. Embassy and British Council staff have been harassed by a pro-Putin youth movement, Britain has emerged as a haven for wealthy Russian dissidents, and the Litvinenko affair, involving a horrific assassination and the dispersal of lethally radioactive material around London, is in itself far more than a spy scandal* [Julian Borger, The Guardian, 17.07.07]. Контраст реализуется за счет негативно коннотированных лексических конструкций, характеризующих взаимоотношения России и Великобритании в июле 2007 года (*all the indicators on the state of the relationship are negative, shouldered out, harassed, a horrific assassination, the dispersal of lethally radioactive material around London, far more than a spy scandal*), усиленных параллельными синтаксическими структурами, которые ведут к более трагическому восприятию проблем, и позиционированием Великобритании как убежища для «богатых российских диссидентов» (*Britain has emerged as a haven for wealthy Russian dissidents*).

При реализации дискурсивно-семиотической техники патерналистского отношения визуальными средствами обязательным компонентом является

имплицитное или эксплицитное присутствие в мультимодальном тексте адресанта и адресата коммуникации, то есть того, кто оказывает помощь или защиту, и того, кто их получает. Обнаружено, что интенция покровительства манифестируется через невербальные знаки оказания помощи, например, один персонаж изображения передает что-то другому или, по крайней мере, стремится это сделать; положение руки поверх объекта с интенцией конструктивного воздействия на этот объект и др. Демонстрируем один из подобных примеров, представляющий собранный корпус материалов:

Изображение выражает негативное проявление техники патерналистского отношения. Очевидно, что рука в манжете с изображением британского флага актуализирует образ Великобритании: этот человек «помогает» ливийцу (о том, что второй субъект на изображении – представитель Ливии, свидетельствует надпись на листе бумаги – «*Libyan oil contracts*» (ливийские нефтяные контракты) и ливийский флаг). Ливиец держит ручку, «руководит» которой, по сути, британец. Надпись под изображением также содержит негативные импликации – «*The hand over*» (передача контроля).

Пресуппозиция повторяемости негативных ситуаций с участием «чужих» реализуется посредством лексических единиц с семантикой повторяемости, неединичности, последовательности (*the latest in a line, pursue, previous, first...last*), ссылки на предыдущие случаи, представленные в негативном контексте: *Far from «deconstructing the war on terror», Obama is clearly pursuing it with the same vigour, ideological backing and deception as the previous administration. George W Bush's first war, in Afghanistan, and last war, in Pakistan, are now Obama's wars – with thousands more US troops to be deployed, more bombing and more slaughter of civilians* [John Pilger, New Statesman, 05.02.09]. В данном примере подчеркивается преемственность политической риторики, а именно то, что президент США Барак Обама следует принципам предыдущей администрации Белого Дома (*is pursuing, as the previous administration*). Акцент на постоянную вовлеченность США в военные действия манифестируется за счет перечисления с использованием порядковых числительных *first, last*, а в отношении настоящего времени – *now*, что реализует также идею последовательности: *George W Bush's first war, in Afghanistan, and last war, in Pakistan, are now Obama's wars*. Повтор существительного *war* усиливает негативную тенденцию.

Средствами экспликации пресуппозиции повторяемости негативных ситуаций с участием «чужих» выступает также сравнение данных за некоторый

период с целью демонстрации прогрессии: *Is my hon. Friend aware that over the same period last year there were 627 rocket attacks into Israel, with an upsurge of 200 in the last month?* [James Clappison, 17.04.12]. Эффект повторяемости достигается использованием дейктических единиц *last year...last month* в сочетании с фразой *over the same period*, интенция прогрессии актуализируется через лексему *upsurge* (рост, повышение) с числительным *200*.

Дискурсивно-семиотическая техника прескриптивного совета или рекомендации в межкультурной перспективе британской политической коммуникации представлена положительно коннотированными лексическими единицами *help, good* в сочетании с сослагательным наклонением: *It would certainly help if Russia and the US, and regional powers like China and Kazakhstan, do not try to exploit the power vacuum, confine themselves to constructive advice and assistance, and stop using the country as a Great Game playboard* [Simon Tisdall, The Guardian, 08.04.10]. Журналист Саймон Тисдал использует конструкцию *it would certainly help if*, выражая желание изменений к лучшему, и перечисляет действия, которые необходимо для этого сделать (*do not try to exploit the power vacuum, confine themselves to constructive advice and assistance, and stop using the country as a Great Game playboard*). Наблюдения показали, что прескриптивный совет может быть выражен посредством повелительного наклонения: *And I say to Iran as they face a crucial date this week: join the international community now or face isolation* [Gordon Brown, 29.09.09]. «Настойчивость» совета реализуется за счет глаголов в повелительной форме, а также контраста: *join the international community – face isolation*.

В ходе исследования были выявлены примеры имплицитного выражения рекомендации через демонстрацию недовольства существующей ситуацией: *It is within Israel's legitimate immigration rights to do what they are doing* (речь идет о задержании британца Энтони Рэдклифа израильскими властями в Тель-Авиве за попытку пройти с мирными намерениями на оккупированные территории на западном берегу – Палестину), *but clearly the situation is not comfortable* [Alistair Burt, 17.04.12]. Парламентский заместитель министра по иностранным делам и делам Содружества Алистар Берт принимает позицию израильских властей, но называет сложившуюся ситуацию «некомфортной», тем самым имплицитно «желательные» перемены.

Дискурсивно-семиотическая техника критического представления позиции других государств на лексическом уровне актуализируется негативно коннотированными номинациями и атрибуциями с семантикой неодобрения, критики: *It was foolish idealism that led to Nato's eastward expansion into the new democracies of the old Soviet bloc* [Sholto Byrnes, New Statesman, 12.02.09]. Лексема *foolish* имеет резко отрицательные коннотации, усиленные эффектом критики в словосочетании *foolish idealism*. Установлено, что данная техника характеризуется большим количеством экспрессивных средств, таких как гипербола, литота, риторический вопрос, эпитет: *Is support for a ban among Europe's political leaders, and the alarmist and vitriolic rhetoric that so often goes with it, really an expression of concern for Muslim women? And why, when*

confronted with a multitude of social and economic problems, including a debt crisis that could destroy its common currency, are they so obsessed with a small piece of cloth that so few women wear over their face? [Mehdi Hasan, New Statesman, 14.07.10]. Пример касается введенного в 2010 г. во Франции запрета на ношение женщинами-мусульманками чадры. Журналист употребляет эпитеты *alarmist* (поддающийся панике) и *vitriolic* (резкий, язвительный, саркастический), выражая критику по поводу пристального внимания к этому предмету одежды. Литота используется для реализации контраста между серьезными социальными проблемами и «раздутостью» ситуации с чадрой (*a small piece of cloth, so few women*).

На дискурсивном уровне техника критического представления позиции других государств манифестируется упрощением и категоричностью аргументации, негативной экземплификацией с акцентом на деталях. Например: *The European Union is not perfect – of course not. This is a club that took 15 years to define «chocolate» in a chocolate directive. Anything that takes 15 years to define chocolate is not a model of democratic efficiency* [Nick Clegg, 23.04.10]. Упрощение достигается посредством метафоризации (*to define «chocolate» in a chocolate directive*), объяснения сложных процессов в доступных терминах. Критика реализуется через контраст простоты действия и времени, затраченного на него. В последнем предложении Ник Клегг использует обобщающее местоимение *anything* в негативной конструкции *is not a model of democratic efficiency*, актуализируя категоричность своего аргумента.

В результате исследования мультимодальных средств обнаружено, что визуализация техники критического представления позиции других государств основывается на контрасте позитивного и негативного образов, например, голубь (символ мира), закрытый в клетке (символ ограничения свободы). Нередко косвенно указывается объект критики.

Таким образом, анализ языкового и внеязыкового материала позволил выделить различные дискурсивно-семиотические техники конструирования чужеродности в британской политической коммуникации.

Результаты проведенной систематизации отражены в Таблице 1.

Выявленные нами в ходе исследования дискурсивно-семиотические техники конструирования чужеродности (одиннадцать техник для монокультурной перспективы и десять техник для межкультурной перспективы) реализуются разноуровневыми вербальными и невербальными средствами современного английского языка и дискурса и представлены на лексическом, морфологическом, синтаксическом, дискурсивном уровнях, а также на уровне мультимодальности. Выбор языковых и внеязыковых средств на данных уровнях опосредован культурной перспективой и интенциональной направленностью дискурсивно-семиотических техник.

В **заключении** отражены основные результаты проведенного исследования. Установлено, что отношения чужеродности в британской политической коммуникации характеризуются разной степенью выраженности

ресурсами английского языка и дискурса: от негативной до нейтральной или позитивной. Выявлено, что дискурсивное конструирование чужеродности в британской политической коммуникации может быть представлено в виде лингвокоммуникативной модели, актуализирующейся посредством четырех базисных стратегий (идентификации чужеродности, обоснования и удержания статуса «чужого», трансформации и деструктивной стратегии); конституирующих их дискурсивно-семиотических техник, реализующихся через комплекс разноуровневых вербальных и невербальных средств современного английского языка, выбор которых обусловлен национально-лингво-когнитивными особенностями участников коммуникации и культурной перспективой реализации чужеродности.

Таблица 1.

Дискурсивно-семиотические техники конструирования чужеродности в монокультурной и межкультурной перспективах современной британской политической коммуникации

Дискурсивно-семиотические техники	Стратегия идентификации чужеродности		Дискурсивно-семиотические техники
	<u>Монокультурная перспектива</u> <ul style="list-style-type: none"> • техника негативного позиционирования оппонентов • техника изолирования 	<u>Межкультурная перспектива</u> <ul style="list-style-type: none"> • техника оценочного позиционирования других государств • техника патерналистского отношения 	
	Стратегия обоснования и удержания статуса «чужого»		
	<u>Монокультурная перспектива</u> <ul style="list-style-type: none"> • пресуппозиция негативного постоянства • пресуппозиция негативных последствий • техника акцентирования внимания на негативной схожести • техника выражения недоверия 	<u>Межкультурная перспектива</u> <ul style="list-style-type: none"> • пресуппозиция повторяемости негативных ситуаций с участием «чужих» • пресуппозиция очевидности представляемых аргументов • пресуппозиция отсутствия изменений в позиции «чужих» • техника экспликации подозрительности 	
	Стратегия трансформации		
	<u>Монокультурная перспектива</u> <ul style="list-style-type: none"> • пресуппозиция негативного настоящего с последующим предложением выхода из сложившейся ситуации • пресуппозиция грядущих перемен • пресуппозиция разницы между «теперь» и «тогда» 	<u>Межкультурная перспектива</u> <ul style="list-style-type: none"> • техника прогнозирования ситуации • техника прескриптивного совета или рекомендации • техника толерирования 	
	Деструктивная стратегия		
	<u>Монокультурная перспектива</u> <ul style="list-style-type: none"> • техника умаления авторитета • техника обвинения 	<u>Межкультурная перспектива</u> <ul style="list-style-type: none"> • техника критического представления позиции других государств 	

Исследованием подтверждено, что в британском политическом дискурсе дифференцируются монокультурная и межкультурная перспективы манифестации отношения к «чужим», которые эксплицируются лингвистическими, прагматическими и мультимодальными средствами, а именно: лексическими единицами с семантикой, соответствующей прагматической направленности дискурсивно-семиотических техник, дейктическими единицами, метафорой, метонимией, гиперболой, литотой, эпитетом, ярлыком; сравнительными оборотами, пассивными структурами, модальными глаголами, синтаксическим параллелизмом, однородными членами предложения, негативными конструкциями; рефреймингом содержания, риторическими вопросами, фиктивными сценариями, прямыми обращениями, ссылками, намеками, обоснованными аргументами, детализацией, упрощением, конкретизацией; визуализированными метафорическими образами с прямым или косвенным маркированием чужеродности.

Перспективы исследования связаны с применением предложенной лингвокоммуникативной модели дискурсивного конструирования чужеродности в британской политической коммуникации к исследованию актуализации отношения к «чужим» в других лингвокультурах (например, российском политическом дискурсе). Возможно детальное рассмотрение конструирования чужеродности в определенных жанрах политического дискурса (например, парламентские дебаты, предвыборная речь, международные переговоры и др.). Кроме того, интерес представляет изучение авторского идиостиля дискурсивного конструирования чужеродности.

Основные положения исследования отражены в 10 опубликованных работах общим объемом 3,3 п. л. (без соавторов):

1. Детинко, Ю.И. Лингвокоммуникативный анализ репрезентации чужеродности в политическом дискурсе / Ю.И. Детинко // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета (серия : Филология). – № 1 (13). – Иркутск : Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2011. – С. 89 – 94 (0,4 п.л.). *Статья опубликована в издании, рекомендованном ВАК Минобрнауки России.*

2. Детинко, Ю.И. Out-group'овая перспектива репрезентации чужеродности в российском политическом дискурсе / Ю.И. Детинко // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 1. – Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2011. – С. 128 – 129 (0,1 п.л.). *Статья опубликована в издании, рекомендованном ВАК Минобрнауки России.*

3. Детинко, Ю.И. Специфика проявления политической чужеродности в политическом дискурсе Великобритании / Ю.И. Детинко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – № 5 (59). – Волгоград : «Перемена», 2011. – С. 100

– 104 (0,3 п.л.). *Статья опубликована в издании, рекомендованном ВАК Минобрнауки России.*

4. Детинко, Ю.И. Репрезентация «чужих» в политическом дискурсе : «in-group»- и «out-group»-перспектива / Ю.И. Детинко // Аспирантские чтения Иркутского государственного лингвистического университета : сб. научных статей [Электронный ресурс]. – Иркутск : Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2011. – С. 69 – 82 (Режим доступа CD-R) (0,8 п.л.).

5. Детинко, Ю.И. Стратегии репрезентации чужеродности в «out-group» перспективе британского политического дискурса / Ю.И. Детинко // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] – М. : МАКС Пресс, 2011. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) ; 12 см. – Систем. требования : ПК с процессором 486+ ; Windows 95 ; дисковод DVD-ROM ; Adobe Acrobat Reader (0,2 п.л.).

6. Детинко, Ю.И. К вопросу о стратегиях выражения категории «чужеродности» в политическом дискурсе / Ю.И. Детинко // Язык. Текст. Дискурс : Научный альманах Ставропольского отделения Российской ассоциации лингвистов – когнитологов / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 8. – Ставрополь : Изд-во Ставропольского государственного педагогического института, 2010. – С. 407 – 413 (0,4 п.л.).

7. Детинко, Ю.И. «In-group-» и «out-group-» перспектива как способ реализации категории «чужеродности» в политическом дискурсе (на примере российского политического дискурса) / Ю.И. Детинко // Языки в современном мире : материалы IX ежегодной международной конференции (г. Томск, 23 – 25 мая 2010 г.) / отв. ред. С.К. Гураль. – Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2010. – С. 91 (0,1 п.л.).

8. Детинко, Ю.И. Понятие политического дискурса в современных отечественных и зарубежных исследованиях / Ю.И. Детинко // Современные проблемы развития науки, техники и образования : сб. науч. тр. / науч. ред. : М.А. Барышев, В.И. Кокорин. – Красноярск : ИПК Сибирского федерального университета, 2009. – С. 678 – 683 (0,4 п.л.).

9. Детинко, Ю.И. Концепт «чужеродность» в парадигме междисциплинарности / Ю.И. Детинко // Языковые и культурные контакты различных народов : сборник статей Международной научно-методической конференции. – Пенза : Приволжский Дом знаний, 2008. – С. 29 – 32 (0,3 п.л.).

10. Детинко, Ю.И. Реализация стратегий репрезентации чужеродности через функции политического дискурса / Ю.И. Детинко // Прагмалингвистика и практика речевого общения : сборник научных трудов международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 28 ноября 2008 г.). – Ростов-н/Д : ИПО Педагогического института Южного федерального университета, 2008. – С. 135 – 139 (0,3 п.л.).